

Рита Roy

Правосудие Тёмного мира
или
Ван Хельсинг из Саратова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2

18+

Рита Роу

Правосудие Темного мира или Ван Хельсинг из Саратова 2

<https://litres.ru/74415653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Палачёв не выбирал эту судьбу. Случайное прикосновение обернулось провалом в ночную Трансильванию, где балом правят вампиры, а мертвецы становятся друзьями. Он снова — Ник Палач, правосудие Тёмного мира.

Вернется ли Николай домой, в родной Саратов?

Или Тёмный мир будет цепляться клешнями за своего судью?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:

18+ Содержится ненормативная лексика, откровенные сексуальные сцены, употребления алкоголя и табака. Если это противоречит вашим принципам — пожалуйста, пропустите данную книгу.

Вас ждут:

* Попаданец с черным юмором и тягой к выпивке;

* Трансильвания, где обитают вампиры, а зомби становятся друзьями;

* Судья Темного мира, который мечтает только об одном — вернуться в родной Саратов и найти свою любовь.

Рита Роу
Правосудие Темного
мира или Ван Хельсинг
из Саратова 2

Правосудие Темного мира или Ван Хельсинг из Сара-
това

2

Рита Рой

ПРАВОСУДИЕ ТЁМНОГО МИРА
или
ВАН ХЕЛЬСИНГ ИЗ САРАТОВА

2

Дорогие читатели!

Представляю Вашему вниманию вторую книгу цикла
«Правосудие Тёмного мира»

Николай Палачёв не выбирал эту судьбу. Случайное прикосновение обернулось провалом в ночную Трансильванию, где балом правят вампиры, а мертвецы становятся друзьями. Он снова — Ник Палач, правосудие Тёмного мира.

Вернется ли Николай домой, в родной Саратов?

Или Тёмный мир будет цепляться клешнями за своего судью?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ:

18+ Содержится ненормативная лексика, откровенные сексуальные сцены, употребления алкоголя и табака. Если это противоречит вашим принципам — пожалуйста, пропустите данную книгу.

Вас ждут:

- Попаданец с черным юмором и тягой к выпивке;
- Трансильвания, где обитают вампиры, а зомби становятся друзьями;
- Судья Тёмного мира, который мечтает только об одном — вернуться в родной Саратов и найти свою любовь.

-1-

Со дня моего возвращения из Трансильвании прошел год. Целый год в родном Саратове. Для бизнеса он оказался

невероятно плодотворным, а вот для моего позвоночника — приговором с отсрочкой исполнения. Мы с пацанами отработали все заказы подчистую: сварили забор с индивидуальной ковкой для местного депутата (теперь у него самая красивая ограда в элитном поселке). Клиенты стояли в очередь, записываясь за месяц вперед.

Я работал до кровавых мозолей, вытравливая воспоминания о другом мире и глухую, тянущую тоску по испанцу. Личная жизнь в этой суете прошла мимо, даже не обернувшись. Махнула неудачнику ручкой на прощание, показала средний палец и прогарцевала к горизонту искать кого-нибудь без грыж и радикулита.

В прошлом месяце мне стукнуло сорок. Прямо так, от души долбануло обухом по спине. Поясницу прострелило слева направо, да так, словно через нее переехал груженный КамАЗ, который забыл вовремя затормозить. Хруст стоял такой, что Витек пугался тормозить на светофорах, думая, что это хрустит коробка передач.

— Старость пришла, Колян? — угорал друг, пока возил меня на курс ЛФК.

Я скрипел зубами на кушетке физиотерапевта и думал: «Ничего, тощий. До тебя эта старость тоже доберется. Обещаю. Я тебе ее передам воздушно-капельным путем прямо со своей кушетки».

Сердце я наблюдал у кардиолога регулярно — спасибо маме за привычку следить за здоровьем. Остальные запчасти

организма тоже пытались снова загнать меня в районную поликлинику. Но я держался стойчески: жрал витамины горстями, почти не бухал (ну ладно, только по пятницам) и старался спать на твердом.

Первые месяцы я жил у мамы в её хрущевке. Квартира небольшая, теплая и уютная. Как она сама. Каждое утро уплетал её фирменные блинчики с сиропом за обе щеки, ходил в ближайшую подвальную качалку и без усталости приглашал прекрасную Дарью на свидания. Делал всё по правилам пикапа. Аккуратно, без напряжения: цветы-конфеты, дверь машины придержать. Джентльмен года, блин. Номинация «Самый вежливый облом».

Мама подтрунивала над моими потугами, но надежды на внуков не теряла. Сначала Даша морозилась сама, потом начала морозить меня под различными предложениями. А после двух недель моих настойчивых звонков выдала:

— Коль, ты меня извини, что сразу не сказала... — Долгая пауза в динамике заставила меня напрячься. В трубке слышался чей-то мужской смех на фоне. — Я замуж выхожу.

И просто повесила трубку.

А я, сука, повесил всё остальное. В груди неприятно екнуло, как будто кто-то проверил заземление моей грудной клетки. Заебись расклад. Вот так обрубаются мечты о праведной жизни. Хотел вступить в клуб женатых, примерить кольцо на палец, купить паркетник в кредит. И тут — мимо кассы.

Мама кормила меня еще месяц. Утешала как могла, подкладывая самые румяные куски пирога. Я же в ответ просто крепко обнимал её со всей своей сыновьей любовью и радовался одному факту: я дома. Живой и относительно целый. Ну, если не считать поясницу, которая теперь живет отдельной жизнью.

Как-то воскресным утром, тяжело вздохнув возле плиты, мамуля повернулась ко мне и завела странный разговор. На её родном лице залегли тени прошлого. Мама всегда была сильной, прочно стояла двумя ногами в этой суровой реальности. Выжила в девяностые, подняла меня одна. Она никогда не плакала и не сожалела. И мне не позволяла.

— Коленька, сына... — Я наострил уши, как наш старый кот Барсик на шорох пакета с кормом. — На днях мне позвонила тетя Света. Ты, наверное, не помнишь ее.

Я сделал неопределенный жест плечом и залил горячий кофе себе в глотку, пытаясь проснуться.

— Она бывшая жена дяди Вити. В общем, там долгая история. Приглашает приехать в гости. Говорит, поговорить хочет. С сыном познакомить.

Я поперхнулся. Горячий напиток темной кляксой расплылся по белой футболке, перекрашивая логотип рок-группы во что-то подозрительно биологическое. Блядь.

Вскочив, я схватился за бумажные полотенца. Стал лихорадочно затирать пятно, которое паутиной расплзлось всё

шире, впитываясь в хлопок. Мама что-то объясняла про питерские пробки, а я мычал в ответ, методично жамкая ткань и мысленно прощаясь с любимой майкой.

Как оказалось, у меня есть двоюродный брат. Илья Палачев. Живет в Питере и знать не знает, что я существую. Сказать, что я обрадовался или огорчился — ничего не сказать. В груди было пусто и гулко, как в пустой цистерне. Но дядю Витю я бы повидал. Он младший брат моего отца. А ба-ти мне не хватало. Иногда, одинокими ночами, его нехватка давила бетонной плитой прямо на легкие.

Я сидел на кухне, глядя на свою окончательно испорченную футболку, и слушал мамины планы. Она уже решила ехать поездом, купила нижнюю полку в купе. Но там, за её стальной броней, глубоко внутри, я знал — она скорбит. Просто делает вид, что едет знакомиться с племянником.

Тридцать лет назад, в пятницу, отец пообещал сводить меня в кино. Сказал, что купил билеты на субботний сеанс. Шепнул на ухо, что втайне от мамы мы объединимся шавермой и шлифанем всё эклерами из кулинарии. И я, мелкий, ждал этого дня, словно поездки в Диснейленд.

Наступила суббота тысяча девятьсот девяносто шестого года. Однако совершенно не та, о которой я грезил десятилетним пацаном. Утром следователь убойного отдела Калининского района позвонил и сухо оповестил: Палачев Сергей Михайлович мертв. Застрелен при разборках.

На этом мое детство закончилось. Вместе с запахом его

сигарет и обещанным походом в кинотеатр «Победа».

-2-

Мама уехала ночным поездом, наказав строго-настрого хорошо питаться и посещать врачей. Оставила адрес в Петербурге на вырванном листке из записной книжки, приписала даже станцию метро. Словно я не мог посмотреть это в интернете за полсекунды или спросить Алису.

Я помнил эту красную ветку, даже спустя тридцать лет. Адрес намертво въелся в подкорку: Кронштадтская улица, дом двадцать. Странно осознавать, что вся твоя жизнь — это просто попытка убежать от одного-единственного адреса. Там финишная черта моего детства перечеркнула старт со свистом пули.

Помнил только запах прокуренного кожаного сиденья такси и то, как мама судорожно заталкивала меня внутрь. Мы уезжали из Санкт-Петербурга в спешке, спасаясь... а следом за машиной тянулась абсолютная, звенящая пустота, которая навсегда выжгла во мне предохранители радости.

Я корчил из себя хорошего сына ровно пять минут. Давал обещания правильно питаться, спать по восемь часов и пить только ряженку, сам же держал скрещенные пальцы за спиной. Вот такой я охуенный сынок. Маме откровенно вешаю лапшу на уши. Прости, Господи, если ты там есть. Но я физически больше не мог вести эту жизнь праведника безгрешного. Ходить, подпрыгивая от воздержания. Мне хотелось жареного мяса с кровью, ирландского виски и быстрых,

ни к чему не обязывающих потрапушек на ночь. Хотя... первых двух пунктов было бы уже достаточно. А с третьим — ну, посмотрим, как карты лягут.

Полюбовавшись еще пару дней на обои в зеленый цветочек (мама упорно отказывалась делать ремонт), я как порядочный сын дожрал всё, что оставалось в холодильнике, включая позавчерашний борщ, и покатил к себе в серый лофт.

Моя студия находилась в презентабельном районе и была заточена чисто под мужика-холостяка с запущенной стадией эгоизма. Четырехэтажное здание встречало гладкостью мраморной облицовки, вышколенной бабкой-консьержкой и запахом дорогих лилий возле лифта. Лифты я игнорировал по старой привычке — зачем тратить время в тесной коробке ради двух пролетов? Это же готовые бесплатные кардиотренировки, а форму нужно держать. У нас тут семейный анамнез по сердечку, знаете ли.

Зато террасу свою я облизывал взглядом каждый день. Вид оттуда открывался знатный: прямо на панорамное окно соседнего элитного дома. Там жила милфа. Утренний моцион у нее заключался в том, чтобы пройтись голышом от душа к напольному зеркалу. Я же человек свободный, против утренней эстетики ничего против не имел. Глазел и радовался жизни.

Подумал, что пора посетить магазин. Протеина купить, пачку спагетти... и бинокль. Так, исключительно для резко-

сти обзора округи. Только ради сохранения зрения. Чтобы не щуриться. И дрочить. Ну ладно, признаю — с эффектом полного присутствия.

Плюхнулся на синий велюровый диван. Включил плазму фоном и огляделся. Двадцать пять квадратных метров. Таких родных, которые видели меня разного. Бухого, бухого в говно, злого и снова бухого. По списку, в алфавитном порядке.

Но почему-то теперь, кидая взгляд на свой хай-тек интерьер, я невольно сравнивал его с комнатой в том треклятом замке. Мне внезапно дико не хватало волшебного шкафа, привычного пыльного балдахина над кроватью и возни испанца за окном. Мне не хватало того самого Темного мира, из которого я так мечтал выбраться тогда. Целый год назад. Видимо, стокгольмский синдром бывает не только к людям, но и к измерениям.

Весь этот год, в свободное от заказов время, я ковал различные виды холодного оружия. Пацаны в мастерской удивлялись, зачем мне эта груда железа и где я собрался реализовывать это добро. В Саратове вроде пока нет гильдии убийц, вакансии закрыты.

А я не собирался ничего продавать. Я собирал свою коллекцию. Коллекцию Ника Палача. Для моего реального мира города Саратова. Коллекция, из которой ни один меч или нож никогда не познает вкуса вампирской крови. Потому что вампиры — это миф. Голливудский блокбастер для прыща-

вых подростков.

Но там, в старых лесах Трансильвании, где утром ярко светило солнце, а ночи... Ночи были холодные, сырые и полные животного страха для жителей деревень. Ночи, где тьма пыталась диктовать свои условия, но каждый раз натыкалась на арбалетный болт Палача. Ночи, по которым я реально, чертовски скучал.

Пиздец какой-то в башке творится больше двенадцати месяцев. Нормальные люди скучают по морю, а я — по сырому средневековью.

Уснул незаметно для себя прямо в одежде и провалился в то время, когда гонял на странной машине из серебряных стоек, разгоняя туман светом фар. Проснулся от собственного тяжелого дыхания. Пот струился по спине, футболка прилипла к лопаткам, сердце пыталось пробить ребра и сбежать через окно.

Нет, Николай Сергеевич, так дело не пойдет. Пора бы наведаться к психиатру. Пусть пропишет что-нибудь забористое, нейролептики какие-нибудь. Чтобы ходилось по миру словно в розовых очках. Весело, беззаботно и желательно молча.

Главное, чтобы рецепт выписали до конца недели, иначе придется дальше варить заборы и высматривать голую соседку. Тоже терапия, конечно, но менее эффективная.

-3-

Мама позвонила с утра. Каким-то тихим, глухим голосом

сообщила, что ее встретили прямо на Московском вокзале. Поселили в квартире с видом на Финский залив. Что всё у неё хорошо.

Но судя по этому севшему голосу — не очень. Примерно, как «хорошо» чувствует себя кот, которого только что окунули в ванну. Я не стал включать инквизитора, дал ей выговориться и скрыть то, о чем она пока не была готова говорить.

— Коля, ты же за рулем! Я тебя отвлекаю! — неожиданно после десяти минут одностороннего монолога воскликнула мама. В динамике раздался звук, похожий на тот, когда в раскаленную сковородку с маслом попадает капля воды.

— Мама... мам... — шипение динамика усилилось, перекрывая её слова. — Я перезвоню. Люблю. Рад, что доехала без приключений.

Сбросил вызов. Вытащил наушник из уха. Посмотрел на часы. Через час прием психолога.

Я очень надеялся записаться к какой-нибудь приветливой докторше с мягким голосом и глубоким декольте, но регистратура сухо оповестила: врач Панов Степан Семенович, запись только на завтра, в одиннадцать часов.

Ну, Панов так Панов. Главное — в дурку не загреметь с пожизненным клеймом «шизофрения». Нужно как-то аккуратно его обработать, чтобы подумал, что я просто переиграл в страшилки или начитался Ведьмака.

Заебись план. Уровень гениальности — Бог аргументов.

Хмыкнув своей гениальной идее, я утопил педаль газа в пол. Мой черный Outlander примчал меня к рыжему кирпичному зданию городской поликлиники имени великого Ломоносова.

Вот кто, блядь, явно херней не страдал. Работал при императрице, да жизни радовался. Красава, мужик. Уважаю. Не то что нынешние — сидят бумажки перебирают.

Я вышел из тачки, пикнул сигнализацией. Ключи убрал в карман джинсов. Знаков, запрещающих остановку, нет. Отлично. А то эвакуаторщики нынче быстрее пули работают, особенно если машина стоит дороже их годовой зарплаты.

Собрал всю дрожь и мандраж в железный кулак (руки все равно тряслись) и потопал к центральной двери.

Через пять минут женщина с улыбкой голодной ехидны распечатала направление.

— Двадцать пятый кабинет, по коридору направо, — прохрипела она и криво оскалилась вставной челюстью. — Бахилы не забудьте!

— Спасибо, дорогуша, — я подмигнул немолодой богине регистратуры. Её рыжая химзавивка подпрыгнула от радости. Еще бы, такой видный мужик и больной. Чистая находка для таких, как она — строить сильный пол в очередь по линейке и ругать за бахилы.

Сел в коридоре, с надеждой глядя на табличку кабинета. Там золотыми советскими буквами виднелась надпись: «Врач высшей категории Панов С.С.». Ниже шли часы при-

ема и прочая бюрократическая лабуда про график проветривания помещений. Интересно, они реально думают, что сквозняк вылечит душу?

На соседнее сиденье плюхнулась подозрительно знакомая старушка.

— У тебя во сколько, милоч?

Та-а-ак... Милоч. Это слово заставило ржавые шестеренки в мозгу со скрежетом провернуться. Год назад, на приеме у кардиолога, такая же сухонькая бабулька спрашивала практически об этом же. Я словно оказался в прошлом. Дежавю ударило под дых, выбивая остатки кислорода.

Я соскочил со стула, как ошпаренный, и во все глаза уставился на бабульку.

А у нее-то какие могут быть проблемы с нервами? Она выглядит спокойнее гранитного памятника Ленину. Явно пришла не справку для бассейна просить.

— На одиннадцать, — вырвалось из моей груди само собой, низким басом.

Плечи напряглись до боли, тело застыло, словно в прыжке перед ударом. Сердце пропустило пару холостых, дыхание сперло. Паническая атака? Здесь? Seriously? Доктора сейчас прибегут колоть мне галоперидол прямо через штаны.

Стоп, Палачев. Спокойно. Дыши носом. Ты в своей реальности. Это просто пенсионерка. Просто бабушка. Бабуля-Ягуля местного разлива.

Бабулька глянула на меня снизу-вверх. Дернулась, словно

её сквозняком покатило в сторону. Сухонькие пальцы разжались, трость с костяным набалдашником упала на линолеум с глухим стуком.

Мое тело сработало быстрее мозга. Он у меня всегда чуток отставал от рефлексов. Обидно, ведь говорят, это даже не лечится. Видимо, бракованная прошивка досталась.

Я согнулся пополам одним плавным движением. Поднял металлическую трость и протянул хозяйке. Та, благодарно кивнув, протянула руку...

Мгновение — ожог на пальцах. Не физический. Ментальный. Ледяной огонь Трансильвании. Запах листвы и старой могильной земли.

Одно прикосновение, и меня повело так, что вестибулярный аппарат сдался и написал заявление об увольнении. Мир перевернулся с ног на голову.

Я летел, как Алиса, в кроличью нору. Только вместо банки с надписью: «Выпей меня» внизу торчали острые колья реальности. Летел сквозь темноту, и в голове вертелось одно: «Ну, здравствуй, заморская ебанина. Я на подлете. Надеюсь, тапочки с зайчиками брать не надо?»

Удар о землю оказался на удивление мягким. Я приземлился на четвереньки прямо посреди каменного зала. В нос тут же ударил густой запах сырости, чадающих свечей и затхлости.

Твою мать. Опять какая-то древность. И почему я никогда не попадаю в гости в нормальной одежде?

Перед моим ошалевшим взором явились носки простых тряпичных туфель. Затертых до дыр от долгой носки и маленьких — явно бабских. Размер тридцать пятый, не больше. Я бы в таких даже на картошку не пошел.

— Господин Палач, господин Палач! — голос молодой, взволнованный, звенящий как стекло, по которому ударили ножом.

Я оторвал взгляд от созерцания чужого гардероба и поднял голову.

«Ауф», — сказал бы Арамчик из магазина за углом. Я же выдал более банальное приветствие, которое вырвалось так, словно я наглотался строительного мусора:

— Ну нихуя себе...

— Что, простите? — Девушка лет двадцати наклонилась ниже, пытаясь помочь скрюченному телу встать.

Ее длинные светлые волосы мазнули мне по щеке. Дыхание сперло. Член отреагировал мгновенно, уперся в ткань штанов. Благо на мне был этот дебильный костюм Ван Хельсинга — полы тяжелого плаща скрыли nepотpeбствa пpeдaтeльcкoгo oргaнизмa. Хотя под таким освещением мой бугор мог сойти за неудачно спрятанный кинжал.

Невысокая, метр шестьдесят максимум, незнакомка пыталась поднять огромное тело Палача. Ее голубые глаза расширились от натуги, пухлые розовые губы приоткрылись, обнажая полоску белых зубов. Блядь. Как же она хороша. Если

выживу — женюсь.

Ее гибкое тело с тонкими, но сильными руками попыталось обвить мой торс. Девушка тянула меня вверх, пыхтя, но ей, естественно, не хватало массы, чтобы сдвинуть такую махину с места. Это все равно что муравей пытается тащить домой батон хлеба целиком.

Через пару минут бесполезной возни она отступила. Отошла в сторону, и я наконец-то смог вздохнуть полной грудью, уловив удаляющийся аромат луговых трав. Дезодорант для растления праведников. Работает безотказно.

Оттолкнулся от пола и сел на задницу прямо там, где приземлился. Огляделся вокруг. Место было мне категорически не знакомо, но мозг тут же подкинул ассоциацию. Католическая церковь в Праге, куда я заходил однажды переждать дождь. Тот же удушливый запах воска, горелого дерева и дешевого ладана, которым пытаются перебить вонь гниющих углов. Только здесь эта химия была концентрированной. Кислой. Прямо «Лаванда» вперемешку с помоями.

Готический свод давил на макушку так, что шейные позвонки заныли. Хотелось втянуть голову в плечи и стать черепахой. Ребра арок уходили в абсолютную темноту. Ни одной лампочки Ильича, только чадающие факелы в ржавых кольцах. Свет от них дерганный, больной, он выхватывал из мрака то, чему лучше оставаться в тени. Например, пыль или лица этих стариков.

Архитектура один в один средневековая: стрельчатые ок-

на, витражи... Только стекла были не цветными. Тонкие пластины слюды или мутного кварца едва пропускали солнечный свет.

Напротив стояли ряды дубовых скамей. Как в зале суда. Только вместо присяжных на них сидели неподвижные фигуры в черных балахонах. Статуи?!

Одна из фигур медленно повернула голову в мою сторону. Под капюшоном — серое, изрезанное морщинами лицо старика. Человек — это уже радовало. Надеюсь, экзорциста вызывать не придется, просто давление померяем и разойдемся.

Я решил, что пора вставать на ноги. Колени хрустнули громче, чем суставы Терминатора. Блядь.

Девушка принесла мне медную чашу с водой. Руки у нее дрожали. То ли от тяжести металла, то ли от восторга от моей скромной персоны. Я промочил пересохшее горло и приготовился слушать брифинг. Явно народ здесь не просто так собрался. Не похоже на клуб анонимных любителей готики.

Только все молчали. Три мумии смотрели на меня в ожидании чего-то. Чего именно — хер его знает. Может, автографа?

Наконец одна из фигур поднялась. Самый нетерпеливый старик из троицы. Он обратился ко мне сразу всеми связками своего скрипучего горла:

— Никола Палач! Ты принимаешь на себя данную миссию?

Старый пердун прошелся голосом по моим оголенным нервам, как наждаком. Я слегка наклонил голову вбок, пытаюсь уловить суть контракта, прежде чем соглашаться на любую хрень. В прошлый раз начало было хуевое.

Старикан видел, что я в замешательстве. Устало вздохнул — звук напоминал шелест старых газет — и продолжил:

— Ты и Аника отправитесь в Трансильванию. У каждого из вас своя задача.

Повторил он для тупого меня. Я же упорно продолжал молчать. Ждал мелкий шрифт внизу страницы.

Два других пенсионера синхронно встали, вскинув руки к потолку. Ебать-колотить, святые отцы, тормозните. Я пытаюсь понять логистику поездки. Билеты туда-обратно входят в соцпакет?

Аника восприняла это как команду. Она рухнула на колени и дернула меня за полы плаща вниз, всем своим видом показывая необходимые телодвижения. Молитва, блядь. Или присяга верности. Хорошо хоть лбом об пол биться не заставили.

Я заколебался анализировать правила игры. Рухнул на колени рядом с ней и закатил глаза в высоченный потолок, ожидая конца света. Тот блеснул, словно промасленный.

Двадцать ебанных минут я тер колени о сырой ледяной камень и слушал наставления инквизиторов Обители. Слушал и охуевал в реальном времени.

Если я правильно понял таймлайн, а я очень надеюсь, что

мои часы еще идут вперед, Ник Палач сейчас находился примерно за сто лет до событий, которые случились со мной в Трансильвании. Молодой, не особо опытный двадцатилетний юнец со стальными яйцами и полным отсутствием инстинкта самосохранения.

А Владислав, который сдох еще год назад от моих арбалетных стрел, не просто жив. Этот упырь активно формирует Гнездо в лесах, на севере государства. Набирает рекрутов без разбора: хватает и добровольцев, мечтающих о вечной жизни, и случайных прохожих, которым просто не повезло оказаться у него на пути. Короче, строит свою секту сетевого, сука, маркетинга.

А три деда из Обители нашли того, кто должен остановить нечисть. Карающей дланью судьбы снова назначили меня — Николая Палачева из города Саратова. Обычного мужика, который вообще потерялся во времени и молча охреневал от того, что ему поведали эти некогда боевые пенсионеры.

Мда... То ли плакать, то ли смеяться. То ли попросить у барышни номер телефона, пока нас всех тут не покрошили.

-5-

Молитва закончилась хрипом и последующим кашлем. Праотцы подошли вплотную, дыхнули могильным холодом прямо в лицо и сунули мне в ладонь ледяной булыжник. Обсудили что-то без слов, сплотились вокруг меня глухим кольцом, а потом мои руки полыхнули густым синим светом.

Внутри всё пошло по одному месту.

Тёмная вязь поползла по венам к глазам — вспышка выжгла сетчатку, заставив зажмуриться.

Из этого первобытного угара я вынес две новости.

Первая: старики вбили в меня столько дури, что кости гудели, как перетянутая басовая струна. Ещё чуть-чуть, и позвонки выстрелят наружу салютом.

Вторая: Аника застыла в двух шагах, зажимая рот ладонями. Глаза по пять копеек: мечутся от ужаса к слепому обожанию.

Бойтся она, конечно, не меня. Она боится того, кем я стал. Бог из плоти, который вот-вот взорвется от переполняющей силы.

Она смотрит на меня снизу-вверх, боясь лишний раз выдохнуть.

До меня дошло наконец. Причина страха ее проста: я больше не могу играть в праведника. Старики залили мне в вены такую дичь, что физика плачет. Сказки стали былью. И эта сила хочет выхода. Конкретно через нее. Здесь и сейчас, прямо на грязных плитах пола.

Она увидела мою эрекцию и спрятала лицо в ладонях.

Мысленно я уже стаскиваю с неё это дурацкое платье, под которым выступают острые ключицы. Штаны сигнализируют о готовности к труду и обороне.

И тут прилетает третья мысль, самая идиотская за сегодня: нам пилить в северные земли. В Трансильванию. Искать жильё и потерянного мужа.

Мысль отрезвляет, похлеще ледяного душа.

Приехали, Карл. Мужа!

Какого чёрта этот неизвестный идиот разбрасывается таким сокровищем? Впрочем, мужа я мысленно похоронил ещё до того, как сплюнул желчь изо рта.

В памяти снова всплыл тот самый замок — мой первый приют в этом мире. Что ж, круг замкнулся. Значит, едем по знакомому адресу.

Магия постепенно отпускала тиски, переставая гонять кровь через зудящие чресла. Я выдохнул, задвинул своего внутреннего озабоченного подростка поглубже и честно пообещал сделать всё от себя зависящее. Слово Палача крепче стали, даже если мысли сейчас мягче мармелада.

Вечером собрались за ужином. Жареные перепёлки выглядели аппетитно, но пятерым их было мало. Старики поклевали немного, я же сожрал трёх птиц, захлёбываясь слюной. Новая прошивка требовала калорий. Запил горьким пойлом и пошел инспектировать наш транспорт.

Увиденное порадовало: два вороных коня ожидали упряжку. Рядом — добротный ящик на стальных рессорах. Не карета для балов, конечно, скорее мобильный бункер, способный пережить оползень или недружественный огонь. Внутри довольно тесно, двоим не развестись плечами. Идеально. Минимум пространства — максимум поводов для тактильного контакта.

Я хотел свою новую знакомую грязно, жестко, вопреки

всем законам морали. Мы знакомы пару часов, она практически вдова, а моя нижняя голова уже составляет план захвата сеновала.

Похуй.

Аника пришла в конюшню минут через сорок. Старалась держать спину ровно, но колени выдавали её с потрохами. Она была в ужасе от совместной поездки за горы.

Нужно срочно сбивать тестостерон. Незачем ей знать о том, что за картинки крутятся в башке, раньше времени. Пусть пока думает, что я суровый защитник, а не кобель в период гона.

Плотоядно потер татуированные ладони. Они чесались сгрести её в охапку, но я ждал. Ждал тесноты этой проклятой повозки, как истинный джентльмен. Гы.

Пока мой мозг был занят стратегическим планированием размножения, я прослушал главное. Оказывается, Аника умеет разговаривать с деревом и железом. Настраивать их на нужный лад. Откуда у девушки суперспособности — плевать. Главное — она играет за нашу команду. За хороших ребят (ну, технически, за одного условно хорошего парня). Для неё я стану самым лучшим на свете. Пройдусь взглядом от макушки до пяток, а потом повторю маршрут языком.

Мои мысли голодного самца мешали строить маршрут. Пришлось встряхнуть головой, как мерин.

Как выяснилось, моя обретенная магия питает оружие. Делает его смертоносным для тварей. Оно косит любую

гниль быстрее, чем ипотека убивает мечту.

В связке с Аникой мы чертовски похожи на Мстителей: я мечу зачарованный молот, она заговаривает камни. Идеальный тандем для убийства нечисти.

Интересно, а бассейн под лунным светом могу ли попросить до выезда? Очень хочется поплавать голышом с красивой девушкой, чьи формы маячат перед носом. И желательно утонуть вместе в грехе.

Так, стоп. Мечтай, Палачов, да не забывайся. Сначала необходимо найти воду, которая не пахнет болотом.

-6-

Утренняя дорога превратилась в сплошную полосу жидкого говна. Копыта коней чавкали с таким звуком, будто кто-то пытался отмыть тефлоновую сковородку без моющего средства.

Я сгорбился под брезентом, кутаясь в кожаный плащ, который тяжелел с каждой минутой и уже напоминал мокрого дога. От Аники несло сырой овцой, но девушка сидела так прямо, словно проглотила лом. Ни писка, ни жалоб — святой человек, ей-богу. Или мазохист.

Привал был стремительным, перекус — ледяным. Старички Обитатели сунули нам мешок сухарей и лепешек, явно отдав последнее со своих пенсионных пайков. За это я им благодарен по гроб жизни, но чувствовать себя должником перед недоедающими пенсионерами мне претило. Разберусь с местной гнилью — накрою дедкам поляну. Закатим шашлы-

ки на костях упырей, всё-таки почти родственники стали.

Чтобы не рехнуться от холода и тряски этой консервной банки на колесах, я прокручивал в голове статью из Википедии. Ту самую, что читал на планшете за секунду до того, как меня выплюнуло в этот филиал Средневековья. Гугл услужливо подсовывал факты, пытаюсь уложить историю Темного мира мне в башку через узкое горлышко памяти.

— Ань, — голос сел от сырости, превратившись в рык умирающего моржа. — Кхм... какой сейчас год?

Она удивленно вскинула брови, но комментировать вопрос не стала.

— Тысяча пятьсот сорок седьмой от Рождества Христова, господин Палач.

Голос дрожит, взгляд уткнут в собственные колени. Скромница блин. Наверное, думает, зачем этому ходячему божеству нынешняя дата.

Я нахмурился, включая память на максимум. *«Итак, середина шестнадцатого века»*. Очередной ухаб швырнул бедром о деревянный борт. Я мысленно потер синяк.

«Формально мы едем по Королевству Венгрия. Но это только на бумаге у католиков. На деле Трансильвания давно живет по своим законам. После Мохача двадцать шестого года регион послал Габсбургов лесом. Формальный сюзерен — турецкий султан. Туркам платят дань, но внутрь пускают редко. Идеальный офшор для всякой дичи».

Я торжествующе хмыкнул про себя. *«Ну что, Мария Пет-*

ровна, ставьте пятерку».

Вспомнил структуру власти. Не королевство, а трехглавое чудище. Три нации Сейма: венгры-дворяне, которые мнят себя богами; саксы — немецкие бюргеры за стенами Брашова со своими уставами; и секеи — потомки то ли гуннов, то ли еще кого, охраняющие восток. Каждый ненавидит каждого. Править этим серпентарием сможет либо святой, либо отмороженный тип с магией. Я хищно усмехнулся замерзшими губами. Святым быть не планировал, моя кандидатура подходила идеально.

Дорога пошла вверх. За поворотом открылось ущелье реки Олт. Я машинально проверил рукоять меча. Холодный металл успокаивал лучше валерьянки.

*«Законы. У венгров право Иштвана Святого, но по факту тут кровавый хаос. Главное правило дворян — *jus vitae necisque*, право казнить крепостных за косой взгляд. Для крестьян закон один — плеть. Восстание Дожи вроде прошло, даты я запамятовал, спишу на контузию. А вот выступление тридцать восьмого года местные воеводы утопили в крови прямо здесь, на этих холмах. Крестьяне хотели свободы передвижения. Получили колья и путевки на тот свет».*

Мы плотнее запахнули плащи. Меня трясла мелкая дрожь, но анализировал я не гипотермию, а свой внутренний компас. Мне нравилось это время. Эпоха, когда слово вооруженного психопата значило больше, чем любая печать

короля.

Затем мысли переключились на соседей. Южнее — Валахия. Там Влад III Цепеш. Дракула. Читать про него в кресле двадцать первого века было забавно. Местный господарь сажает всех подряд на кол ради дисциплины. Жестко, эффективно. Только Влад делал это ради фанатичного порядка, а Палач — ради дезинфекции территории.

На востоке Молдавия, там Стефан Великий. Мужик отбивается от турок, поляков и венгров одновременно. Полевой командир, а не король.

А на севере — Никола Палач. То есть я. Судья Темного мира. Злой шериф для нечисти, которая разгулялась ввиду отсутствия налоговой инспекции и полиции. Королевские руки не доходили до региона, который не приносил прибыли много лет. Ну хоть где-то мой цинизм оказался востребован.

«А еще Аника. Она хочет найти мужа».

Мысль вернулась к девушке, съездившейся рядом. Куда она собралась? К Стефану за помощью? Смешно. Все эти ребята объединятся только через полвека под Михаем Храбрым. Ровно на год. Потом его зарежут наемники генерала Баста по приказу Габсбургов. Так всегда бывает с теми, кто пытается склеить Балканы скотчем — рано или поздно приходит хозяин дома и дает ремня.

Повозка резко дернулась. Лошадь справа испуганно заржала, вставая на дыбы.

— Тише, скотина, — процедил я, высовывая голову нару-

жу.

Дождь иссяк, но небо осталось цвета мокрого пепла. Осенние деревья блестели ядовитыми красками, а сырость вызывала лишь одно желание — залить в глотку чего-нибудь крепкого. Градусов так под восемьдесят. Надо научить стариков гнать самогон. Заживут как короли, гарантирую.

Я высунулся из-под брезента целиком. Впереди лежало дерево, вырванное с корнем. Идеальная засада. Дорога просматривалась сверху донизу — голые скалы, поросшие мхом. Сейчас оттуда полетят стрелы. Или прыгнет нежить. Спойлер: прыгнула.

— Приготовь топор, — бросил я Анике, даже не глядя. Голосом человека, которому задолжали зарплату за три месяца.

— Откуда ты... — начала она, но осеклась, увидев мое лицо. Человеческая усталость стекла с кожи, обнажая древний оскал маньяка-энтузиаста.

Я выпрямился. Магия вскипела мгновенно, реагируя на адреналин. Тёмная вязь вспыхнула сквозь ткань синим светом.

Ветки шевельнулись.

Первому вампиру, решившему поиграть в Супермена, я метнул кинжал снизу-вверх, не целясь. Клинок вошел точно под подбородок. Раздался глухой стук тела о землю. Затем знакомый влажный хлюп.

Бля, я просто Бэтмен. Только вместо бэтаранга — зато-

ченная железка, а костюм пахнет псиной.

Второго снял магией — вытянул руку ладонью вперед. Охуенно. Синева сорвалась копьем сжатого воздуха. Грудь упыря взорвалась фонтаном черной жижи и ребер. Спецэффекты уровня дешевого кино, бюджет нулевой.

Третий понял, что премия Дарвина ему обеспечена, и бросился бежать вниз по склону.

— Стоять.

Бегущий рухнул на колени, схватившись за череп. Заклятие паралича сковало мышцы надежнее цемента. Я медленно пошел по грязи. Подошел. Наклонился.

— Знаешь, кто я?

Упырь прохрипел что-то невнятное, тараша белесые глаза. Тощий, белобрысый. Острые клыки топырили губы, делая его похожим на обиженную собаку породы доберман-пинчер.

— Я тот парень, который прочитал вашу гребаную историю в интернете, — процедил я, вонзая пальцы в глазницы. Вампир задергался, взвыл перегретым пылесосом. — И мне совершенно не понравилось. Будем вносить правки в законодательство.

Вогнал серебряный нож в макушку. Хруст кости. Две секунды тишины. Звук лопнувшего арбуза. Башка разлетелась, обдавая меня вонючей субстанцией, некогда бывшей мозгами.

Анику сложило пополам. Ее стошнило вчерашними ле-

пешками прямо на колесо повозки. Арт-инсталляция «Тлен и бытие» готова.

Черт. Не стоило ей смотреть на такое зрелище. Экзекуция прошла успешно, но зрительский зал недоволен.

Я подошел, помог подняться. Предложил флягу воды. Ее хрупкое тело бил озноб. Я затянул завязки ее плаща жестче, почти грубо, и втолкнул девушку обратно в тепло повозки.

— Извини. Переборщил с натурализмом. В следующий раз возьму попкорн.

Аника улыбнулась бледными, бескровными губами и отвернулась. Устало привалилась плечом к борту и задремала на месте. Стресс — он такой, сначала убивает монстров, потом аппетит, а затем включает режим энергосбережения.

Я успокоил лошадей, тяжело запрыгнул на козлы. Дернул поводья, разворачивая упряжку в сторону заходящего солнца. Карпаты продолжали чавкать. Где-то впереди ждали новые проблемы, мокрые носки и острая нехватка антисептика.

-7-

Через сутки этого замкнутого пространства я снова выполз на лошадь. Потом, промокнув до костей и прокляв всё живое, вернулся под защиту брезента.

Меня штормило так, словно я вчера отмечал проводы старой жизни. Я не выношу монотонности колеи — меня от нее укачивает сильнее, чем школьника в автобусе на экскурсии.

Крутился, как уж на сковородке, мечтая хотя бы потерять сознание, чтобы скоротать время.

Кости ломило так, будто меня пропустили через промышленную мясорубку. Магия требовала калорий, а дорожные лепешки закончились еще вчера. Желудок прилип к позвоночнику и теперь играл там «Реквием» по безвременно ушедшим перепёлкам.

Дорога пошла ухабами. Повозка билась о коренья с методичностью отбойного молотка соседей сверху. Нас швыряло друг на друга с такой силой, что зубы клацали, рискуя выпрыгнуть изо рта раньше времени. Каждый удар бросал Анику прямо мне в объятия. Удобно, конечно, но немного предсказуемо.

Я чувствовал запах ее тела: смесь дорожной пыли, ромашки и чистого девичьего пота. Вдыхал и делал вид, что просто наслаждаюсь компанией. Потихоньку прикипая к девчонке все больше. Ее тихий образ въедался под корку головного мозга глубже, чем заноза в палец. Желание защищать (и желательно тут же завалить) росло в геометрической прогрессии, заполняя грудную клетку горячим теплом привязанности... или банальным недотрахом. Скорее второе.

Наши лица оказывались в сантиметре друг от друга чаще, чем того требует техника безопасности. Воздух внутри густел, становился тяжелым от моего бесконечного возбуждения. Губы Аники часто были приоткрыты. Она дышала сквозь них — прерывисто, влажно. То ли от страха передо

мной, то ли от желания, которое сама отказывалась признавать, глядя на мою небритую физиономию убийцы. Скорее всего, это гипоксия от нехватки кислорода в тесном ящике.

Я опустил взгляд. Сначала на ее вздернутый носик, покрытый едва заметными веснушками. Потом ниже, на пухлые губы. Еще ниже — на слегка расстёгнутый ворот платья, где виднелась ямка ключицы. Ткань намокла от дождя и липла к коже, провоцируя меня на статью за домогательства в особо извращенной форме.

Аня вспыхнула мгновенно. Щеки горят алым, словно их растерли снегом. Она резко отворачивается, упираясь лбом в деревянную стенку.

Я прячу довольную улыбку, глядя в щель брезента. Девушка созрела. Осталось только найти место помягче, посуше и желательнее без свидетелей.

Она судорожно втягивает воздух, пытаясь унять дрожь. Расслабляется, обмякает. Идеальный момент для допроса.

— Как зовут твоего мужа? — спрашиваю севшим голосом. Мои пальцы на рукояти меча белеют от напряжения — сжимаю и разжимаю их, сбрасывая напряжение совсем другого рода. Если сейчас сожму её плечо вместо эфеса, нас обоих ждёт неловкость.

— Андраш, — отвечает она, не повернув головы. Голос звучит глухо, как из погреба.

— Как и когда он пропал? — продолжаю допрос.

Я видел, что девушке неприятно говорить о прошлом, но

сентименты подождут. Мне нужно понимать логику Старейшин. Почему именно ей выписали путевку со мной? И главное — где сгинул этот сука-Андраш?

Она говорит монотонно, уставившись в одну точку. Три года назад. По слухам, отправился в северные земли за перевал и переродился. Добровольно отдал глотку под клыки ради вечной жизни в Гнезде Владислава. Но Аника не верила. Уперлась рогом. Не мог он так поступить. Не предавал их брак, их крепкую любовь, их совместный кредит на телегу...

Ебанная вера в людей, оказывается, бывает тошнотворнее любого заблуждения. Парень явно нашел повод свалить от щей-борщей и ответственности.

Ее руки действовали сами, быстрее мысли. Металлический щелчок — отстегнута пряжка внутреннего кармана сумки. Выужен тонкий кошель-узелок. Внутри лежат три тусклых кристалла, похожих на мутное стекло, которое кто-то неудачно пытался сдать в пункт приема посуды. И холст.

-8-

Аника протянула мне квадрат плотной ткани. Пятнадцать на пятнадцать сантиметров чистого, сука, кардиостимулятора.

Грубый мазок, дешевый пигмент цвета детской неожиданности, но сходство — просто пипец какое убийственное.

Твою мать.

На меня смотрел зелеными глазами молодой парень лет двадцати. Живой человек с русыми волосами и той самой

доброй улыбкой, которая заставляет таять даже кассира в «Пятерочке». Без синевы вен под кожей и мертвецкого дзен-спокойствия во взгляде, которое я видел у Лессарта при знакомстве. Без той вековой тухлятины, что текла в его жилах не один десяток лет.

Как говорится: вечно молодой, вечно... ну вы поняли. В моем случае это звучит как приговор суда.

У меня сперло дыхание. Я дернулся назад так резко, что едва не исполнил тройное сальто через задний край повозки прямо в разряженный горный воздух. Ощущение было таким, словно под ребра всадили зазубренный мясницкий крюк, провернули пару раз для верности и полили сверху лимонным соком. Закрыв глаза, тяжело выдохнув пар в вечернюю морось. Под веками намертво отпечатался образ этого парня. Он еще дышал. Он еще не стал тем, кого местные называют Пьющим.

Вампиром. Которому через сто лет я лично раскрошу череп своим добротным мечом и сожгу тушу на поляне вместе с жирной тварью по имени Лесси. Утоплю всё это в едком дыму трансильванских благовоний, чтобы хоть как-то забить вонь паленой плоти ароматом лаванды.

Владислав. Имя царапнуло память драконьим когтем. Тот самый князь Тьмы. Дон Корлеоне местного разлива. Сказал ведь тогда, что Лессарт — его сын...

Если исторические хроники не врут (а они обычно приукрашивают только победы, но не суть сделок с дьяволом),

Владислав заключил контракт с тьмой задолго до того, как турки взяли Константинополь. И, следовательно, муж Аники уже три года как перестал быть человеком. Он часть стаи древнего хищника. Труп с клыками и контрактом на вечность.

— Ты едешь искать мертвеца, — констатировал я, возвращая ей холст. Мои пальцы задели её руку. Кожа ледяная, как речная галька или сердце моей бывшей. — Тебе придется привыкнуть к тому, что люди уходят навсегда. Особенно те, кто уходит на север перевала добровольно.

Аника прижала портрет к груди, защищая его обеими руками, словно щит от ядовитых стрел. Страх передо мной никуда не делся, но я уже не чувствовал животный ужас спиной, сейчас он отступил. Сгорел дотла в огне ненависти к тем, кто забрал её Андраша.

— Я найду его, — прошептала она. Голос звенел от слез и надежды. — Живого или мертвого.

Я хмыкнул. «Мертвого», блядь, будет точнее процентов на девяносто девять. Но озвучивать это пока рано. Пусть верит в чудо, оно отлично помогает переваривать дорожные лепешки.

— Держись крепче, — бросил я, выбираясь из душной утробы повозки на козлы и пуская коней резкой рысью. Брызги грязи из-под копыт ударили в борт с такой силой, что мы чуть не получили бесплатный грязевой спа-уход. — До перевала осталось два часа. Там начинается территория Це-

пеша. Если повезет, местные кровососы просто насадят нас на колья быстро и гигиенично. Это лучше, чем если мы попадем к Владиславу. Его методы растягивают удовольствие на недели, а счета за них там наверняка конские.

Аника осталась внутри. Я затылком чувствовал, как она сверлит мне спину взглядом. Таким острым, что волосы на шее встали дыбом, словно их пытались поднять дефибрилятором.

Я снова был длинноволос. Плюс молод. Озеро, послужившее утром умывальником, отразило мой грозный вид без прикрас. Судя по отражению, Палачу было лет двадцать, не больше. Черные патлы до плеч, вязи магических узоров, ползущие от предплечий до ладоней, рост за два метра. Идеальный кандидат на обложку журнала «Некромантия-тайм». Правда, тело не выглядело раскачанным качком из будущего со стероидами в крови. Сухое, жилистое дерево. Гибкое и смертельно опасное, как бешеная, блядь, селедка.

Девушка явно хотела еще поговорить, залезть чутка в душу, предложить горячего чаю и обсудить мои детские травмы, но я был не настроен на сеанс психоанализа. Сидел с каменной рожей, глядя на мокрые уши лошадей, и обдумывал странные выверты судьбы этой версии Палача.

Год назад я каким-то макаром оказался в будущем. В своем теле, но без нынешних навыков. При этом довольно легко убил главного упыря одной левой.

А сейчас? Сейчас я в том же теле, но отброшен на сто лет

назад. Во времена, когда люди столько не живут от слова совсем, если им вовремя не дают лекарства. Значит, Ник Палач — не совсем человек. Биологический парадокс. Петля времени. Или просто очень затянувшийся отходняк после корпоратива Старейшин.

Кони мерно перебирали копытами по грязи. Я ехал и невольно размышлял над источником перехода. Неужели старухи в Саратове, которых я случайно коснулся в прошлой жизни, были проводниками? Моими личными триггерами, жестко привязанными к координатам Трансильвании?

Страшная мысль мазнула сознание черной гуашью.

А вдруг... Вдруг всю эту жизнь в Трансильвании проживали не разные мужики. Вдруг это всегда был я. Николай Палачов. Попаданец из двадцать первого века, закрученный в хаосе временных переходов, как носок в стиральной машине. Душа, которая просто прыгает по разным отрезкам биографии Ника, проживая их одни за другим. Типа фильма, только вместо сурка — древний вампир, а вместо голливудской актрисы — Аника.

Блядь. Нахер.

От тяжелых аналитических дум взорвалась височная доля. Башку сдавило тисками так, будто внутрь запихнули работающий перфоратор. Хотелось жрать до рвоты и залить внутрь забористого пойла, чтобы мозги отключились и перестали строить теории заговоров. По крайней мере, физически я был молод и здоров, как племенной бык-производи-

тель. Остальное же подождет до первой деревни. Надеюсь, там хотя бы есть аспирин и нормальный туалет.

-9-

Тусклое солнце цеплялось за голые ветви дубов, разливая по восточному предгорью Румынии не свет, а гниль. Зеленые тона здесь давно выцвели до цвета ржавчины и старой ветоши. В это время года горы дышали могильным спокойствием. Ни шквалистых ветров с Карпатских перевалов, ни затяжных ливней, лишь липкая морось оседала на лицах, да седой туман стлался под копытами измученных животных, скрывая глубокие промоины.

Мы двигались на козлах, бок о бок в мертвой тишине. Каждый думал о своем: я прикидывал маршрут через ущелье, Аника смотрела куда-то сквозь пелену осенней мороси.

— Аня...

Она вздрогнула так резко, будто я выстрелил у нее над ухом. Тут же села ровнее, расправила плечи и превратилась в манекен курсантки военного училища.

— Да, господин Палач?

Я поморщился от ее ледяного официоза. Просьба вышла грубее, чем планировалось:

— Не называй меня так... Зови Ник.

— Хорошо, господин Ник.

Мои челюсти свело судорогой. Кажется, я сейчас сотру эмаль в порошок.

— Просто Ник! Никакой я не «господин», черт тебя дери!

— Хорошо, просто Ник.

Ее покорность была издевательской. Я рванул поводья лошадей так, что бедные кони захрипели, и вперил злобный взгляд в девушку. И тут увидел их. В ее небесно-голубых глазах плясали бесовские смешинки. Она играла со мной, как кошка с куском мяса, прекрасно понимая, что мясо уже капитулировало и само лезет в рот.

— Ах ты, чертовка!

Я придвинулся вплотную, насколько позволяла длина сиденья. Попытался сгрести дерзкую Анику за талию прямо к себе на колени, подмять так, чтобы хрустнули ребра, и больше никогда не отпускать. По крайней мере, пока мы не доедем до ближайшего сеновала.

Она игриво оттолкнула мои руки, выскользнула из захвата со змеиной гибкостью и звонко рассмеялась, откатившись к самому краю лавки.

Я оскалился и снова рванулся к ней. Аника продолжала хрипло смеяться, шлепала меня по запястьям тонкими ладонями, лишь сильнее заводя своей игрой.

Блядь, я чувствовал себя сопливым юнцом, который впервые увидел порнуху. Готов был кончить прямо в штаны только от одного этого звона, плещущегося в ее горле. От блеска глаз, когда она уклонялась от моей хватки.

Она продолжала колотить меня по рукам — звонкие, сухие шлепки плоти о плоть, и каждый такой удар подбрасывал дров в топку моего желания. Она играла с огнем и пре-

красно это знала. А я играл роль идиота, который сунул руку в костер.

Игрища двух морских котиков прервал дождь. Крупные, тяжелые капли забили по капюшонам, мгновенно промерзая на лету и превращаясь в мелкую дробь. Мы, давась смехом и переругиваясь, скатились под крышу скрипучей повозки. Внутри пахло прелой соломой, дегтем и мокрой псиной. Запах романтики во всей красе. Как только брезентовый полог упал, отрезая нас от мира, я сгреб Анику своими ручищами в охапку.

Она застыла. Мелкий зверек перед охотником. Вздохнула коротко, рвано, и сама подалась вперед, навстречу моим губам. Ну наконец-то, сигнал принят.

Я накинулся на нее. Стал терзать сладкий рот в долгом, беспощадном поцелуе, вбивая свое желание ей в десны. Пил ее свежесть, будто обезумевший путник в жаркой пустыне, мечтая лишь об одном: чтобы Аника внезапно не включила праведницу и комсомольский устав. Потому что сейчас даже Апокалипсис, лично спустившийся с небес, не смог бы меня остановить без применения тяжелого огнемета.

Мой язык грубо вторгся в ее рот, раздвигая зубы. Девушка задохнулась, выгнулась дугой. Я хозяйничал там, изучал влажное тепло, запоминал вкус пряного теста, корицы и паники. Аника отвечала несмело, неумело, ее пальцы упирались мне в грудь, но скорее искали опору, чем пытались оттолкнуть. Ее тело дрожало крупной дрожью, то ли от холода,

то ли от ужаса перед собственной смелостью.

В моих ушах грохотал пульс, перекрывая шум ливня. Звуки смешались воедино: треск дерева, храп лошадей, наше сбитое дыхание. Я перестал понимать, где заканчивается мой воздух и начинается ее. Кровь ударила в пах тяжелой, болезненной волной. Я потянул завязки ее промокшего плаща, желая добраться до горячей кожи груди. Сейчас будет акт второй, сцена первая, поза миссионерская в тесноте, да не в обиде.

БУМ!

Лошади взвились на дыбы, оглушительно заржав. Нас швырнуло друг на друга. Аника впечаталась лбом мне в ключицу, а мое либидо получило такую психологическую травму, что теперь вряд ли поднимет голову без справки от психотерапевта. Романтика умерла быстрее, чем моя эрекция. Приехали.

-10-

Новый удар снизу подбросил телегу. Днище застонало, прогибаясь под невидимой тяжестью. Повозка накренилась градусов на сорок пять, скидывая нас на левый борт. Анику отбросило назад, затылком о деревянную стойку, а затем инерция швырнула ее вперед, прямо на меня. Она врезалась лицом в грубую кожу моего плаща, разбивая губу в кровь.

Адреналин выжег мои легкие оглушающей волной. Мир сузился до точки абсолютного фокуса. Я поймал ее за плечо стальной, нечеловеческой хваткой, впечатывая обратно в

доски, чтобы нас не размазало по стенкам. Моя рука сомкнулась на ее ключице так, что побелели костяшки.

Лес внезапно запах кровью. Старой, запекшейся, густой, смешанной с гарью погребальных костров и сладковатым смрадом вскрытых тел. Тяжелый, скрежещущий звук, словно тысяча ножей точится о камень, прошелся по днищу прямо под нашими ногами. Лошади испуганно, истощно заржали, и перешли в слепой галоп, рискуя перевернуть телегу в овраг.

— Блядь, ну кто сунул свое ебало в наш шалаш?! — прохрипел я.

Выхватил меч. Развернулся, откинув полы тяжелого, провонявшего тинной брезента. Ледяной ливень тут же залепил лицо, смешиваясь с потом. Мир снаружи превратился в серую, ревущую стену.

Аника уже стояла на коленях посреди подпрыгивающей повозки. В руках она сжимала самый крупный камень из своей поклажи — мутный кварц с черным обсидиановым ядром внутри. Положила дрожащую ладонь сверху, зажмурилась до белых пятен на щеках.

Шепот сорвался с ее губ сам собой — сухой, безэмоциональный речитатив, словно старый наговор, предназначенный для успокоения больного скота перед тем, как полоснуть его ножом по горлу. Кристалл отозвался низким подземным гулом, нагревая воздух. Руны проступили на стекле кроваво-красным, прожигая плоть камня.

— Черт, — процедил я, прислушиваясь к вибрациям. Дерево трещало под весом многотонной туши. — Центр тяжести сместился. Тварь лезет по днищу. Сейчас пробьет хребтовую доску.

Аника прижала светящийся, плавящий дерево кристалл к стыку досок прямо у своих ног.

— *Ignis interius**, — выдохнула сипло.

Кристалл лопнул беззвучно, вспышка ослепительного белого света ушла вертикально вниз, в самое нутро дерева. Раздался звук, будто медведь наступил босой ногой в раскаленные угли. Дикий, полный боли рык снаружи сменился бульканьем кипящей крови. Дерево жалобно, по-человечески затрещало. Жар опалил нам лица. Повозка подпрыгнула всеми четырьмя колесами, едва не сломав нам позвоночники. Меня швырнуло за борт, спас только инстинкт хищника, я успел зацепиться за скамью, прежде чем вылететь наружу, как пробка от шампанского, чтобы принять ледяную грязевую ванну.

Лес на миг застыл. Даже дождь, казалось, завис в воздухе, переваривая произошедшее. Запахло паленой шерстью.

В наступившей ватной тишине было слышно только наше дыхание — ее частое, паническое, с металлическим привкусом крови, и мое глубокое, размеренное, хищное. Сердце билось ровно, готовое к новой драке.

Аника медленно поднялась. Наши лица оказались в сантиметре друг от друга. Только теперь расстояние сократи-

лось не гравитацией желаний, а законами физики рухнувшей телеги. Нас бросило друг другу в объятия. Ее губы были так близко, что я почувствовал жар выдоха на своей щетине. Взгляд девушки метнулся от моих глаз к губам. Страх никуда не делся, он стоял черной водой в ее зрачках, но поверх него легло что-то тяжелое, вязкое и обреченное. Понимание того, что мы оба только что выжили в схватке с неизвестным монстром.

Я смотрел на нее без прежней животной игривости. Желание перегорело, оставив после себя холодный пепел.

— Живая, — констатировал глухо. Мой голос стал ниже, завибрировал в груди, ломая остатки тишины. — Смелая. И магия у тебя... вкусная.

Я поднял руку медленно, давая ей время отстраниться. Заправил выбившуюся русую прядь ей за ухо, пачкая волосы в крови, что капала с моих пальцев. Кожа Аники оказалась обжигающе горячей. Большим пальцем мазнул по ее нижней губе, стирая дорожку грязи и спекшуюся кровь.

Снаружи раздался глухой, разочарованный рев. Хруст веток начал удаляться в чащу. Кто бы это ни был, обед ему испортили.

Я спешно вылез на козлы, поскальзываясь на мокром дереве. Натянул поводья. Заставил наших лошадей, грызущих удила от ужаса, перейти на шаг. Оглянулся через плечо, выворачивая шею, как филин. Шаги тяжелой туши окончательно растворились в шелесте дождя. Кто это был — лесная хи-

мера или одичавший цыганский медведь-оборотень, я так и не понял. Да и плевать, главное опасность скрылась, не заполнив брюхо нами или нашими лошадьми.

Моргнул, стряхивая воду с ресниц.

Неожиданно одна из лошадей захромала. Сначала у нее подкосилась правая передняя нога. Затем левая. Животное начало припадать на бок, тяжело, со свистом втягивая сырой воздух.

Спустя несколько долгих секунд, показавшихся вечно, я увидел причину. У левого жеребца было пропорото брюхо. Рана зияла от паха почти до самого ребра. Из глубокой борозды, оставленной когтями, медленной, маслянистой струйкой текла кровь, густея и смешиваясь с дорожной грязью. Внутренности тускло блестели в полумраке.

— Левый скакун почти мертв, правый обезумел от запаха паленой шерсти, — сухо доложил я самому себе, обводя животных взглядом. — Пойдем пешком. Медленнее. Если повезет, найдем ручей. Придется оставить умирающую скотину.

Я спрыгнул на землю, упираясь сапогами в промёрзшую бурую жижу грязи. Бросил на Анику, которая выглядывала из-за брезента, косой взгляд через плечо. Нужно отстегивать постромки.

Жалко терять годного боевого жеребца. Очень жалко. На переправе таких днем с огнем не сыщешь.

Но, животное, не жилец.

*Фраза «Ignis interiorius» переводится с латыни как «внутренний огонь»

-11-

Грязь чавкала, вытягиваясь из брусчатки города Брашова длинными серыми соплями. Девять дней пути. Моей, сука, нервной системе хотелось блевать желчью.

Я втянул ноздрями воздух столицы Саксонской Трансильвании. Здесь воняло не прелой землей, как в лесу, а человеческим потом, жареным мясом, типографской краской и дегтем. Короче, полный набор средневекового города.

В отличие от осеннего леса, этот город жил по законам людей. Никаких гулей в тумане или оборотней в ночных колпаках. Только плотная, кишащая масса: тучные немецкие бюргеры в суконных кафтанах, крикливые цыгане-лоточники, угрюмые валашские крестьяне со своим блеющим скотом и наемники-секеи, пропивающие жалованье в портовых кабаках.

Столица пахла звонкой монетой и липким страхом перед инквизицией династии Ягеллонов.

Хотя, мне было глубоко плевать на весь этот цветник. Дорога высосала досуха. Хотелось жрать, спать и содрать с себя корку грязи толщиной в палец. Желательно все одновременно и в одном месте.

Повозка тряслась сквозь лабиринт узких улочек к Сфа-тул-Пляк — Центральной площади. Ратуша возвышалась

над черепицей, но меня тянуло в другую сторону — к торговым рядам у Шей. Там ревела ярмарка. Гомон стоял такой, что вибрировали зубы и чесался мозг. Звенела медь, торговцы орали на смеси немецкого, венгерского и славянского, перекрывая рев волов.

Аника вводила меня в курс дела прямо по дороге, пока я орал на снующий повсюду разномастный люд, бросающийся под колеса нашего транспорта с упорством суицидников.

Глаз мазнул в сторону, и я увидел знакомые прямоугольные формы. Сердце сделало кульбит, застревая в глотке.

Ну нихуя себе поворот судьбы.

Я прыгнул с козел так резко, что мерин вздрогнул, и начал протискиваться между лотками со скобяным товаром, распахивая локтями местных.

Он ждал меня. Массивный дубовый платяной шкаф. Черное дерево потемнело до цвета запекшейся крови, резьба на дверцах стерлась до слепых пятен, латунные петли покрылись ядовито-зеленой патиной. Сейчас это была просто рухлядь, годная лишь на растопку камина и пару вечеров тепла.

Твою мать.

Время дало трещину. Я смотрел сквозь столетия. Я помнил эту древесину другой — пульсирующей сдержанной магией в моем замке сто лет спустя. Дерево уже знало свою судьбу. Оно впитывало мое восхищение знакомыми створками будущего портала, словно старый табурет впитывает лак.

— Продаешь? — хрипло каркнул я сгорбленному стари-

ку-еврею, кутающемуся в рванину.

Старик всплеснул руками, едва не потеряв связанную кипу ключей:

— Господин шутит? Это выброшено из дома покойного ростовщика. Мыши, моль... Дам три гроша, только чтобы дотащить до свалки за углом.

— Один серебряник.

— Вы грабите сироту! Полтора!

Торговались мы недолго. За пять мелких монет и кусок купленной на соседней лавке солонины сделка была совершена. Двое грузчиков с лицами висельников кое-как взгромоздили неподъемный гроб на телегу, примотав его веревками рядом с задними колесами. Шкаф занял половину телеги, тяжело осев на рессоры и заставив недовольного мерина присесть на задние ноги. Конь посмотрел на меня взглядом ветерана всех войн, который понял, что хозяин окончательно ебнулся.

Аника скользнула взглядом по покупке. В ее глазах мелькнул вопрос, но она промолчала.

Ничего, детка. Ты еще узнаешь, на что способна эта утварь, когда начнешь питаться, как в лучших ресторанах мира.

Девушка тем временем прикупила пару шерстяных платьев темно-синего цвета — практичных, без вышивки, которые не жалко будет порвать в седле.

Когда солнце начало падать за черные шпили церкви Свя-

той Марии, окрасив камень в багровый, мы сняли комнату в харчевне «У Золотого медведя». В ней пахло кислым пивом, прогорклым жиром, но ставни закрывались плотно. Впервые за много ночей мы спали сухими под крышей, слушая вместо воя ветра пьяные песни местных внизу. Спали, как брат и сестра, отвернувшись друг от друга, обнимая чуть сыроватые подушки.

Утром, пока Аника пересчитывала серебро, пряча монеты в кошель с видом бухгалтера при налоговой проверке, я вышел к конюшне. Местные кумушки, чистившие рыбу прямо на грязной мостовой, косились на мой меч и шептались за спиной. Я подошел к ним, небрежно опершись о борт повозки. Тень от шкафа накрывала половину улицы, пугая кур и детей.

— Говорят, вверх по долине, там, где скалы сходятся клином, стоит старый замок Немештур?

Одна из женщин перекрестилась правой рукой, часто затрясла головой:

— Не называйте его имени, милостивый государь. Место проклято еще со времен короля Лайоша. Лет сорок назад оттуда бежал последний наследник, бросив ключи. Камни гниют заживо, железо ржавеет за ночь. Там хозяйничает нечисть. Старики божатся, что сам Дракул спускается с перевала погреть старые кости в его подземельях. Никто не ходит той дорогой даже днем.

Я медленно растянул губы в ухмылке, обнажая клыки.

Хмыкнул, выпустив облачко пара в стылый воздух. Страх смертных — лучший оберег от незваных гостей. Идеальная изоляция.

Тот самый охренный готический склеп на скале, с пирами крыш и горгульями, ощерившимися на север. Место, куда меня выбросило при первом попадании. Только сейчас мне предстояло заселить его самому. Притащить туда купленный деревянный шкаф, напитать мертвую древесину магией, чтобы ровно через сто лет он встретил там меня, из будущего. Петля затянулась, взрывая мой разум.

И начинать обустройство нужно было именно отсюда, из шумной, смердящей, живой Короны. Купить все то, что пригодится в замке.

Мы тронулись дальше, как только туман начал пожирать фундаменты домов. Единственный конь брел в поводу, жалобно кося налитый кровью глазом на черный шкаф, привязанный сзади.

Ничего, братан. Потерпи. Ты еще не знаешь, какую охуенную вещь тянешь на себе. Тебе понравится ведро отборных яблок и моркови, которыми я тебя отблагодарю. Если доживешь.

-12-

День пути должен был закончиться в знакомой мне местности — на изломе северо-западных земель Трансильвании, там, где отроги Карпат сходятся клином.

На удивление, нас с Аникой не пытались убить, съесть или

пустить по кругу. Дорога вообще выдалась подозрительно спокойной: ни засад лесных упырей, ни гнилых зубов вурдалаков в придорожных кустах. Мы миновали километры пути без единой стычки, если не считать легкого тремора конечностей от недостатка калорий и мучительного зуда кожи под кольчугой. В наших флягах давно закончилась терпкая сливовица, а использовать магию для дезинфекции колодцев было слишком опасно. Мне сейчас реклама «Палач-очиститель» совершенно не нужна.

К вечеру свинцовое небо наконец расступилось, обнажив знакомые до боли изгибы гор и соломенные крыши под ними. Я узнавал каждую скалу, каждый поворот ущелья. Внутри все трепетало: то ли от предвкушения жизни в этих местах, то ли от банального, сука, страха перед временным парадоксом. Что будет, если я встречу самого себя?

Округа была мертвецки тихой. Пустые поля, черные ребра сырых стогов после собранного урожая. И никаких вампиров. Никакой пляшущей в лунном свете нечисти. Ни одного светящегося глаза в чаще. Странно. Судя по преданиям, эти твари лезут из всех щелей, стоит только приблизиться к старым дорогам. Видимо, у них сегодня профсоюзное собрание у Дракулы.

Я ехал верхом, тяжело осев в седле так, что позвоночник грозил объявить забастовку. Анику трясло позади — повозка прыгала на замерзших комьях грязи. Земля, застывшая колтунами, глухо прогибалась под копытами измученного

мерина. Железные ободья высекали искры из камней. Конь хрипел на последнем издыхании, выпуская клубы пара ноздрями размером с кулак, но упрямо тянул поклажу. Шкаф за спиной молчал, лишь иногда дерево едва слышно потрескивало, словно расправляя затекшие суставы.

Я покачивался в такт поступи животного и думал о предстоящей жизни. Насколько я здесь задержусь — одному Богу известно. Может, год. Может, сто лет. Сначала нужно подготовить замок. Выжечь старую скверну, залить каменные полы известью, чтобы не дышать пылью веков и чьим-то прахом, пробить дымоходы. Наложить охранные руны на каждый косяк и перекресток коридоров. Потому что, если со мной что-то случится, если временная петля снова дернет меня за шкурку в будущее, Аника должна остаться в безопасности. Внутри и за стенами замка ее никто не должен тронуть.

Даже ее, сука, упырь-муж.

О Лессарте говорить ей сейчас не хотел. Рано. Слишком свежи ее воспоминания, слишком дрожат пальцы, лежащие на портрете. Но она узнает, рано или поздно. От меня или нет, но узнает правду об этом еблане, который променял живую красавицу на нечто жирное в латексе и с проблемами социализации.

И такая возможность, к сожалению, представилась гораздо быстрее, чем я ожидал.

Впереди сгущалась непроглядная темень. Дорога, привед-

шая к ущелью, сузилась, превратившись в черную пасть. Тени стали густыми, как смола, пожирая остатки света. Конь всхрапнул, прижал уши и встал намертво, отказываясь делать хоть шаг в эту бархатную бездну ловушки. Животное нуждалось в отдыхе так же сильно, как и мы. Он устало фыркал, бока вздымались с перебоями, намекая на скорую остановку сердца.

— Привал, — бросил я через плечо, спрыгивая на землю. Ноги отозвались тупой болью, напоминая, что последние сутки они отработали смену рабов на галерах.

Вспомнил недавнее ЛФК в двадцать первом веке и усмехнулся. Все, Палачов, о массажном кресле можно забыть. Времена, сука, такие. Напряжённые.

Аника выбралась из повозки, кутаясь в промокший плащ. Ее зубы стучали кастаньетами, температура падала стремительно, горы дышали ледяным ознобом. Она двигалась механически, как заведенная кукла с севшей батареей: расстелила тонкое шерстяное одеяло прямо на мерзлую землю, достала из сумы хлеб и кусок твердого сыра. Шматок солонины был на исходе.

Мы сидели у крохотного костерка, разведенного между двумя валунами. Огонь жадно пожирал чудом уцелевший сухостой, бросая рваные блики на лицо девушки. Она смотрела на пламя пустым взглядом, обхватив колени руками.

— Здесь всегда так... тихо? — голос прозвучал сипло, ломаясь на ночном осеннем морозе.

— Это затишье, — ответил я, протягивая руки к жару. Кожа пошла мурашками величиной с грецкий орех. — Нечисть чувствует приближение. Чувствует изменение ткани реальности. Вся эта мразь забивается в самые глубокие щели и ждет...

— Ждет чего?

— Кто знает. Может, удобного момента...

Я достал нож. Простой походный тесак. Встал и пошел к лошади. Разрезал последнее яблоко на дольки, стал кормить животное с ладони. Воды нормальной не было. Придется кипятить.

Вернулся к огню. Сел рядом с Аникой, ближе, чем позволяли приличия эпохи Возрождения. Накинул край своего тяжелого, пропахшего дымом и потом плаща ей на плечи. Она не отстранилась. Только плотнее вжалась плечом в мое тело, ища тепла живого человека среди мертвых скал и дороги, ведущей к нашему будущему дому. Ну или к нашей братской могиле, тут уж как карта ляжет.

-13-

Шелест крыльев. Тихий, почти неотличимый от стога ветра в ущелье, он заставил меня разлепить тяжелые веки. Сон сдуло мгновенно, как паутину со старой иконы. Я нащупал в сырой мгле спящее тело Аники и легонько толкнул ее.

Девушка встрепенулась, как птичка, которой наступили на хвост, зарылась под накидкой и достала синий кристалл. Тот моргнул болезненно, словно воспаленный глаз после

бессонной ночи за монитором, и загорелся, заливая округу неярким светом — цветом гангрены и глубокой воды из лужи у подъезда.

Я сгруппировался раньше, чем мозг успел обработать картинку. Мышцы сработали на уровне рефлексов нового молодого тела. Меч уже пел, покидая ножны. Левая нога ушла назад, колени чуть согнулись — классическая стойка «сейчас я тебе устрою». Через минуту после сна я был готов рвать плоть неизвестным тварям до последней капли крови

— Начерти защитный круг, — выдохнула Аника. Голос дрожал, ломаясь в ночи, как сухая ветка.

Что, блядь? Я развернулся к ней градусов на тридцать, вопросительно вскинув бровь.

Она закатила глаза так, что видны были только белки, и прошипела проклятие то ли на латыни, то ли на валашском диалекте. Хер там разберешь без переводчика от Google.

— Ладонью! Проведи рукой!

Окей. Инструкцию по эксплуатации этого сосуда мне выдать забыли. Откуда мне знать весь магический функционал? Может, мне еще нужно было трижды присесть и сказать «Крибле-крабле-бумс»?

Аника подскочила вплотную, встала плечом к плечу, защищая левый фланг. Я поднял левую руку открытой ладонью вперед. В правой тускло блеснула сталь.

— Сим-салабим, блядь, — процедил я сквозь зубы и рубанул ладонью воздух по широкой дуге, надеясь, что это хо-

тя бы отпугнет комаров.

Теперь пришла пора удивляться мне. С кончиков моих пальцев сорвалась густая синяя искра. Она ударилась о землю, растеклась жидким лазуритом, образовав идеальный светящийся контур вокруг наших сапог, и замерла, потрескивая хрусталиками. Барьер запечатал нас внутри.

Ну нихуя себе, работает. Прямо как у Хоттабыча, только без бороды и необходимости носить семейные трусы поверх штанов.

Нас обдало ледяным сквозняком, идущим снизу-вверх. Мои волосы рванули к небу, зависли в невесомости на пару секунд, словно отказываясь верить гравитации, и тяжело опустились на плечи. Шевелюра Аники повторила этот жест точь-в-точь. Не ночь, а гребаный аттракцион

Оказалось, моя импровизированная защита пришлась как нельзя кстати.

С тихим шуршанием плотной ткани перед моим охуевшим взором явилась Лесси. Вампириша была такой же жирной, как я помнил, но теперь вместо латекса на ней было добротное суконное платье. Провинциальная барыня, мать ее. Выглядит так, будто съела предыдущего владельца замка вместе с ключами.

— Охуеть, какие люди и без охраны, — вырвалось у меня резче, чем хотелось. — Привет, Лесси.

Я никак не ожидал увидеть эту тушу здесь. Телку из своего прошлого, которое одновременно является будущим. Это

ж надо иметь наглость прийти ко мне ночью, когда я даже кофе выпить не успел.

Лесси скривилась. Сделалась некрасиво-удивленной. Меня она видела впервые, мы разминулись во времени лет на сто, а вот лицо Аники вызвало у нее приступ мгновенного узнавания и брезгливости, как при виде таракана в салате.

Я со всей дури всадил меч в намерзшую землю, прям до середины серебряной стали. Та жалобно застонала, вибрируя, лезвие охуело и пошло винтом, но устояло. Сложил руки на груди. Приготовился смотреть шоу Первого канала категории восемнадцать плюс.

Аника дернулась шагнуть за черту круга. Я успел перехватить ее за локоть железной хваткой тюремного надзирателя и тормознуть. Хмуро глянул и обратился к вампирше:

— Чего хотела, Лесси?

Рыжая перевела на меня остекленевший взгляд. Ответила со скрипом, будто несмазанная петля старого сарая:

— Я пришла не к тебе...

— Да что ты говоришь, прелесть моя? Хочешь сказать, я не в твоём вкусе?

Лесси зашипела, показав желтоватые клыки, и сделала выпад вперед. Невидимая стена отбросила ее назад, словно удар током от розетки 220V. Оберег сработал на ура! По границе круга пробежала голубая рябь, оставив на лице упырицы легкий ожог.

Лесси чертыхнулась, но больше в круг не совалась. Выку-

си, сучка. Правила игры изменились.

Аника смотрела на сцену приветствия с отвисшей челюстью. Ее губы беззвучно шевелились, пытаясь сложить имя «Андраш».

Да что с ней, блядь, такое? Будто призрака увидела.

— Короче, девочки. Вы знакомы?

Обе синхронно отрицательно покачали головой. Отличный молчаливый консилиум. Одна лжет, вторая просто ничего не понимает.

— Тогда я тем более не понимаю, какого хера вы тут рамсите посреди ночи?

— Ты мне слова вставить не даешь, мужик! — взвизгнула Лесси, выставляя вперед узловатые пальцы. Маникюрчик блеснул в темноте полированным обсидианом. — У меня послание для девицы! Лессарт просил передать... То есть Андраш. Он велел не искать его. Забыть. Отпустить.

От звука этого имени Аника осела на землю, словно из нее вынули позвоночник, стержень и заодно батарейку. Мягко, бесшумно рухнула в мерзлую грязь. Я не успел среагировать и поймать ее, просто сел рядом, втягивая девушку под мышку, укрывая своей спиной от ядовитых довольных глаз хищницы.

— Значит правда... значит правда, — шептала Аника, как заговоренная, раскачиваясь из стороны в сторону.

Позади раздался шелест. Лесси отработала смену курьера службы доставки плохих новостей. Нанесла главный удар

прямо в солнечное сплетение цели и растворилась в ночи, оставив после себя надвигающуюся эмоциональную бурю и запах дешевых духов пополам с могильной землей.

— Надолго не прощаюсь, сучка, — шептал я в темноту, круговыми движениями глядя трясущиеся плечи девушки. — Мы с тобой еще увидимся. И поверь, следующий наш разговор будет платным.

Аника сгорбилась еще больше, словно постарела на десятки лет. Она не плакала в голос. Она утробно выла.

Низкий, гортанный звук раненого зверя, который рвался наружу через связки человеческой души, распугал все живое в округе. Лес и горы замерли, голодным зверем впитывая ее потерю.

Вся та боль, что терзала несчастное сердце девушки за три года поисков, выходила сейчас через эти страшные вибрации, сотрясающие острые плечи и хрупкое тело. Три года надежды пошли прахом за десять секунд эфирного времени.

Меня накрыло паникой. Я не знал, как успокоить начавшийся шторм. Смотрел на ее русую макушку и пытался осознать масштаб катастрофы. Как такая хрупкая оболочка вообще не рассыпалась в прах за эти годы? За месяцы искреннего ожидания чуда я бы давно выжег эмоции элитным пойлом, потом ударился бы фанатично в спорт или работу до седьмого пота, чтобы упасть замертво, а затем снова начал бы бухать. И так по кругу, сжигая прошлое ритуальным костром реальности. Но Аника держалась на чистом адренали-

не и вере.

До сегодняшнего дня.

-14-

Остатки пути прошли в густом, осязаемом молчании. Оно давило на плечи сильнее, чем пропитанная дождем крыша повозки. Аника замкнулась наглухо, ушла глубоко внутрь себя, за ту черту, где заканчивается человеческая боль и начинается выжженная пустыня. Ее натура, как оказалось, была слишком тонкой, почти хрустальной для жестокого мира, она треснула от реального, физического предательства того, кому доверяла, как себе.

Я ехал рядом, втиснувшись в тесную клетку телеги. Сидеть было негде: ноги пришлось упереть прямо в дубовый шкаф, чувствуя под подошвами мертвую пульсацию дерева. Я пытался хоть как-то отвлечь ее от выгорания, стучал пальцами по колену, пока суставы не заныли.

— Расскажи... Как вы познакомились с Андрашем? — голос прозвучал глухо, царапая пересохшее горло.

Аника медленно вскинула голову. Заплаканные глаза блеснули в полумраке повозки, словно два замерзших зимних озера или застывшие звезды перед смертью вселенной. Боль, которая выходила из нее хриплым дыханием, заставила мои внутренности сжаться в ледяной комок. Казалось, если я сделаю резкий вдох, этот вакуум внутри меня схлопнется окончательно.

Я не ждал ответа. Думал, вопрос утонет в тряске колес.

Но плотину прорвало. Может, ей действительно нужен был свидетель этой катастрофы. Не зря же люди придумали исповедь и психологов.

— Мне было семнадцать, когда отец Андраша заговорил о помолвке, — тяжелый вдох-выдох, звук рвущейся ткани. Она раскрывала не просто легкие, а душу, завернутую в грязный кулек. — Хотела ли я замуж? Господи, Ник...

Она усмехнулась так горько, что у меня свело скулы.

— Семья Андраша была зажиточной. Честной. Порядочной до зубовного скрежета. Он... я... мы любили друг друга той слепой, глупой любовью, о которой слагают песни. Мы были счастливы. Но...

Аника резко отвернулась к единственному окну. Губы сложились в тонкую белую нить, взгляд заметался, цепляясь за каждое дерево снаружи, словно ища путь для побега сквозь древесину.

— Но?

Я никогда не отличался терпением. Сейчас оно трещало по швам.

— Три года назад он заболел. Темная хворь. Она расползалась по коже чернильными пятнами, вытягивая тепло, разъедая мышцы, превращая живого человека в гниющий воск. — Аника повернулась ко мне порывисто, отчаянно заламывая пальцы до хруста. Суставы побелели. — Я пошла на болота. К местной ведунье, которую все обходили стороной. Я прожила у нее две недели в землянке, среди жабьих шкур

и сушеных костей. Бабка наделила меня силой, открыла каналы... а взамен взяла лишь...

— Господи, Аня, да что?! — Меня аж подбросило вверх. Я ерзал на жестком сиденье, пыхтя, как наш загнанный мерин, готовый сорваться в галоп от ярости.

— Взамен она взяла двадцать лет моей жизни.

Внутри что-то оборвалось с сухим треском.

— Ты ебанулась? — прохрипел я. Голос сел. — Двадцать лет! Можно отменить сделку? Выжечь эту старую каргу дотла?!

Аника устало мотнула головой. Тень от ресниц легла на бледные щеки. Я заскрежетал зубами так, что эмаль едва не посыпалась в рот.

— Я вернулась в наш поселок через пятнадцать дней. Исхудавшая, светящаяся изнутри магией. Но Андраш... он исчез. Его отец встретил меня на пороге вилами. Сказал, что я чудовище. Что бросила его единственное дитя в трудный час, продав душу дьяволу.

Они искали его несколько дней, а потом нашли записку. Он выбрал Вечность. Без меня. Вступил в ковен вампиров, чтобы избавиться от лихорадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.